

А.Л. ШАРАНДИН
(Тамбов)

СТАТИВ В АСПЕКТЕ ДИНАМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ РУССКОГО ЯЗЫКА*

Определяются когнитивная сущность статива и его назначение в коммуникативном процессе, рассматривается проблема языкового статуса стативного образования в аспекте динамической теории частей речи русского языка. Это позволяет видеть в стативе особую адъективно-предикативную форму глагола, которая является результатом взаимодействия глагола и качественно-предикативного слова как самостоятельных частей речи.

Ключевые слова: части речи, динамическая теория, глагол, прилагательное, качественно-предикативные слова, причастие, статив.

Объектом настоящей статьи является статив – грамматическая единица, структура которой представлена аналитической формой, состоящей из связки *быть*, выражающей значения наклонения, времени, лица (рода – в прошедшем времени), числа, и краткой формы на *-н / -т*. Частеречный статус последней определяется по-разному. По мнению Л.Л. Буланина, эта краткая форма выражает стативное значение, которое «семантически отошло от глагола» и представляет собой «краткое отпричастное стативное *прилагательное*, лишенное глагольных грамматических значений» [1, с. 199 – 200]. В.С. Храковский, солидаризуясь с ним в плане того, что «стативное значение, спорадически появляющееся у причастия, свидетельствует о его лексикализации», тем не менее считает, что «конструкции со *стативным причастием* не относятся к числу пассивных» [5, с. 151]. Другими словами, образования на *-н / -т*, которые обозначают состояние, не вызванное предшествующим действием, исследователь считает причастиями, имеющими стативное значение, или стативными причастиями (Там же), ср.: *У хищных птиц пища и территория связаны друг с другом*. Учитывая гибридный характер статива в плане представления в нем признаков глагола и прилагательного, возможно и третье решение – включение статива в систему частей речи на правах самостоятельной части речи (подобно причастию).

Не вдаваясь в дискуссию о языковом статусе статива (этому вопросу посвящена другая наша статья, которая находится в печати), в настоящей работе мы исходим из рассмотрения статива в качестве *особой формы глагола*. Предметом наших рассуждений о стативе является целый ряд вопросов. Чем обусловлено наличие стативной формы как особой формы глагола? Каково ее функциональное предназначение? Какова ее когнитивная сущность, определяющая место стативной формы в системе когнитивно-дискурсивных форм русского глагола? Ответы на эти вопросы мы попытаемся дать, рассмотрев статив в аспекте динамической теории частей речи.

Динамический подход к частям речи в системном и концептуальном виде представлен в работах В.Г. Руделева (в частности, [4]), в которых система частей речи предстает в виде оппозиций, а их показателем является нейтрализация. Данный подход к описанию частей речи как семантико-грамматических классов слов, взаимодействующих и подвергающихся смешению в слабых синтаксических позициях, позволил вывести из числа частей речи такие образования, как причастия и деепричастия, а также не выделять в качестве отглагольных существительных слова типа *бег, уход, борьба*, объявленные субстантивными («мимикрическими») формами глаголов, от которых они образованы.

В наших работах [7; 8] принятие динамического подхода к частям речи обусловлено тем, что он дает возможность на основе оппозитивного метода выявить и описать противопоставления частей речи в аспекте их маркированности / немаркированности и тем самым увидеть иерархические отношения между ними, свидетельствующие, во-первых, о «соподчинении одних частей речи другим» (А.А. Богородицкий); во-вторых, о неоднородности структурно-семантических типов слов и о том, что «семантические типы слов не размещаются в одной плоскости» (В.В. Виноградов). Кроме того, динамический подход позволяет определить и описать место (ранг) той или иной части речи по отношению

* НИР выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (госконтракт № 16.740.11.0547).

к другим частям речи, выразив различия между ними в содержательном и формальном аспектах; а также выявить и описать динамические процессы взаимодействия частей речи в коммуникативном акте, результатом которых является функционирование особых форм той или иной части речи, в наибольшей степени ориентированных на носителя языка, его коммуникативные цели, когнитивные и лингвокреативные способности человека, на его речемыслительную деятельность.

Однако в отличие от классификационной модели частей речи В.Г. Руделева в нашем понимании система частей речи предстает в принципиальном ином виде, поскольку для нас коммуникация предполагает использование двух основных способов передачи информации: расчлененных (членимых) и нерасчлененных (нечленимых) высказываний (предложений). Первый предполагает использование в этих высказываниях (в речи) определенных элементов-слов, второй же представлен несловесными коммуникативными сигналами. Именно поэтому понятие «часть речи» мы связываем прежде всего с элементами расчлененной речи. Другими словами, для нас первична связь части речи не со словом, а с понятием типа речи. *Части речи* – это элементы расчлененных коммуникативных моделей или расчлененного типа речи. Только в такой речи можно выделить ее части – слова.

Взаимосвязь части речи с типом расчлененной речи и с понятием слова как грамматически оформленного языкового знака позволяет видеть в частях речи их когнитивную сущность: они концептуализируют структуру восприятия действительности посредством языковых структур расчлененного типа, использующих в качестве элементов слова, которые связаны с отражением и выражением предметно-понятийной стороны действительности путем ее названия или указания на нее.

Система знаменательных (назывных) частей речи в нашем изложении включает следующие части речи: глагол, существительное, качественно-предикативное слово (качественное прилагательное), прилагательное (относительное прилагательное), числительное, наречие (обоснование см. в [9]). В связи с тем, что стив может иметь три позиции в системе частей речи – форму глагола, форму прилагательного, самостоятельную часть речи, – рассмотрим их с точки зрения динамического подхода.

Относить стив к самостоятельным частям речи возможно, поскольку в русском языке представлены теории, в которых, в частности, причастие и деепричастие рассматриваются как самостоятельные части речи. Такая позиция обусловлена тем, что, например, причастие оказывается в языковом плане образованием гибридного типа, т.к. содержит грамматические характеристики двух частей речи – глагола и прилагательного (в его традиционном понимании). В качестве глагольных признаков признаются грамматические признаки вида, времени, залога и переходности / непереходности. Общими с прилагательными являются грамматические признаки рода, числа и падежа, которые обеспечивают согласовательную функцию причастия в его отношениях с определяемым словом. По мнению Н.М. Шанского и А.Н. Тихонова, «учитывая двойственную природу причастий, одинаково яркие и сильные признаки в них и глагола, и имени прилагательного, целесообразно выделять их в самостоятельную часть речи» [6, с. 214]. Подобные рассуждения позволяют ученым рассматривать и деепричастие как самостоятельную часть речи (Там же, с. 223–224).

Однако целесообразность такого решения вызывает некоторые сомнения. И эти сомнения связаны прежде всего с понятием формы слова, которое обычно рассматривается с позиций лексической тождественности рассматриваемых образований и их грамматической нетождественности. Различия между, например, личной формой глагола *читаю* и причастием *читающий* связаны с их грамматическим функционированием, что признается Н.М. Шанским и А.Н. Тихоновым: «Все причастия имеют общие с глаголом лексические значения» [6, с. 212]. Это подтверждается наличием общей лексической основы, которая является средством ее выражения. В грамматическом плане различия обусловлены употреблением личных глагольных и причастных образований в разных синтаксических позициях: личные формы выполняют функцию предиката, а причастные образования – атрибута. Другими словами, различия – грамматические, естественно, связанные с категориальной семантикой этих образований. Однако признаковость причастий не имеет лексического характера, о чем свидетельствует модель мотивации, которая отражает не словообразовательные, а формообразовательные отноше-

ния между глаголом и причастием (только не словоизменительного (морфологического) типа, а собственно формообразовательного (синтаксического), связанного с образованием особых форм глагола). Кроме того, признание самостоятельного статуса причастий должно было бы закономерно привести к их включению в словарь русского языка на основании самостоятельности причастий (да и деепричастий) как языковых знаков, имеющих свою специфическую лексическую семантику. В связи с этим большинство лингвистов все же признают нецелесообразность рассмотрения причастий и деепричастий в качестве самостоятельных частей речи русского языка. Думается, очевидна и нецелесообразность выделения статива как самостоятельной части речи в одном ряду с причастием и деепричастием. Таким образом, по отношению к стативу более логично и целесообразно рассмотреть вопрос о его статусе либо как формы глагола, либо как формы прилагательного.

Необходимо отметить, что в нашей классификации подход к прилагательному отличается от традиционного: адъективные слова распределены по двум частям речи – качественно-предикативным словам и относительно-атрибутивным словам [8]. В настоящее время мы находим работы, где выявляется неоднородность слов, объединенных термином «прилагательное». Так, на основе семантических и функциональных характеристик выделяются качественные прилагательные как чистые предикаты (Е.М. Вольф).

Понятие «прилагательное», на наш взгляд, объединяет два различных класса слов: качественные прилагательные и относительные прилагательные. Как замечает М.В. Панов, «это два разных прилагательных мира» [3, с. 132]. Для относительных прилагательных, действительно, атрибутивное значение основное, а у качественных прилагательных достаточно активно представлена и предикативная функция. Следовательно, вопрос о том, какая из функций – атрибутивная или предикативная – является основной, оказывается спорным. Название прилагательных как качественных определяет своеобразие их признакового значения: они обозначают качественный признак. Немаловажно и то, что данный признак (качество) объективировался в морфологической категории «степени сравнения» и в синтаксической способности качественных прилагательных иметь полную и краткую формы. При этом первая предполагает функционирование качественного прилагательного в функции определения (атрибута) и предиката, а вторая используется в функции предиката как основной (да и первичной, если иметь в виду историческое развитие прилагательного как части речи). В качестве основной формы, следовательно, выступает краткая форма, наиболее полно выражающая своеобразие признака этой части речи. При этом признак опосредован связкой *быть*.

В том, что полная атрибутивная форма оказывается словарным представителем части речи, нет ничего удивительного. Ведь несмотря на то, что для глагола основными представителями являются личные формы, функционирующие в позиции предиката, его словарным представителем оказалась особая форма – инфинитив. Почему? Потому что в словаре важно сосредоточить внимание на лексической информации, а грамматическую представить в грамматических пометах. В инфинитиве содержится минимум грамматической информации. Точно так же и полная форма качественно-предикативных слов содержит меньше грамматической информации по сравнению с краткой формой в позиции предиката, где последняя, во-первых, оказывается аналитической, а во-вторых, содержит предикативную информацию, выражаемую связкой *быть*. Естественно, цели и назначение словаря в большей степени сориентированы на использование полной формы, которая, к тому же, имеет и чисто техническое преимущество для подачи в словаре, где используется алфавитный порядок, тогда как аналитический способ подачи окажется несколько непривычным (ср.: *быть смелым*; *быть добрым* и т. п.).

В связи с обоснованием когнитивно-дискурсивной репрезентации качественно-предикативных слов в коммуникативном процессе возникает возможность уточнить определение этой части речи: *качественно-предикативные слова* – это класс номинативных слов, обозначающих актуализированный качественный признак (чаще всего качественного состояния), который реализуется в коммуникативном акте (речи, тексте) в тех или иных формах морфологических категорий наклонения, времени, степеней сравнения, лица, рода и числа и в синтаксической позиции предиката.

Различия между *глагольным признаком* и *признаком качественно-предикативных слов (качественных прилагательных)* можно видеть в следующем. Они по-разному представляют признак в сознании носителей языка: глагольный признак окрашен процессуальностью, а признак качественно-предикативных слов – качеством, а точнее, если основываться на прототипических представителях глагольного и качественно-предикативного классов типа *читать* и *быть добрым*, то прототипический глагольный признак представляет собой акциональный (активный), а признак качественно-предикативных слов – статальный (пассивный) процесс. Данные содержательные различия поддерживаются наличием у глагола грамматической категории вида, в большей степени связанной с процессуальностью, а у качественно-предикативных слов – с грамматической категорией степеней сравнения. Правда, эти категории в какой-то мере и сближают эти две части речи в плане представления признака как динамического. Кроме того, значимым различием между глаголом и качественно-предикативными словами является то, что глагол обозначает признак непосредственно, а качественно-предикативные слова – опосредованно, через связку *быть*. Что касается атрибутивно-относительных слов, которые в традиционной грамматике рассматриваются в составе лексико-грамматического разряда относительных прилагательных, различия между *глагольным признаком* и *признаком относительного прилагательного (собственно прилагательного)* состоят в следующем.

1. Глагольный признак – это ядерный признак, обязательный элемент мысли, тогда как признак относительного прилагательного, будучи «спутником» существительного, может и отсутствовать в структуре мысли (суждения). Это различие во многом определяется той функцией, которую данные признаки выполняют в структуре высказывания: глагольный – функцию предиката, адъективный – функцию атрибута (определения).

2. Глагольный признак в большей степени связан с понятием процесса, а признак прилагательного – с понятием отношения. Вследствие этого глагольный признак можно назвать динамическим, в то время как относительному прилагательному присущ статический характер, что находит отражение в согласовательном свойстве его морфологических категорий рода, числа и падежа.

В аспекте динамической теории частей речи причастие наиболее ярко демонстрирует процесс взаимодействия разных частей речи и его результат. В отличие от личных форм, имеющих максимальную морфологическую поддержку в плане реализации грамматических категорий глагола, непредикативные (особые) его формы реализуют эти категории не в полном объеме. Однако при этом утрата морфологических категорий глагола сопровождается «приращением» грамматических категорий других частей речи – тех, для которых та или иная синтаксическая позиция оказывается первичной в реализации их частеречной семантики. Таким образом, *особые формы глагола* – это результат его взаимодействия с другими частями речи в коммуникативном процессе (дискурсе, тексте). Эти формы отражают принципиально иную плоскость концептуализации действительности по сравнению с формами грамматических категорий. В отличие от последних, приписывающих субъекту (объекту) простой глагольный признак, что обеспечивает однофокусность восприятия объекта (фигуры), в особых непредикативных формах глагола представлена двухфокусность его восприятия, обусловленная взаимодействующими частеречными концептами.

В отличие от причастия (особой непредикативной формы) *статив* как особая форма глагола выделяется в системе его предикативных форм. Однако языковая природа статива определяется также взаимодействием глагола и прилагательных (только не относительных, а качественно-предикативных, которые имеют аналитическую структуру своего языкового выражения, причем компонент *быть* оказывается тем, что объединяет их со стативом). Различия же определяются прежде всего лексическим компонентом – присвязочным элементом, который у качественно-предикативных слов представлен формой качественного прилагательного (*быть добрым*), а у статива – формой адъективированного причастия (*быть закрытым*). Существенным признаком, объединяющим статив и качественное прилагательное в предикативной позиции, является *отсутствие* и у того, и у другого *видовой и залоговой характеристик*. Однако последнее оказывается существенным признаком, отличающим статив от

причастия, в структуре которого видовая и залоговая характеристики присутствуют и определяют динамический и процессуальный характер категориальной семантики причастия.

Что же концептуализирует статив как глагольную форму? Для этого целесообразно сравнить статив с пассивной акциональной или результативной формой. На наш взгляд, категоризация посредством залога, представленного противопоставлением активной и пассивной конструкций, связана с осмыслением двух взаимосвязанных ситуаций – актуальной, целенаправленной, наблюдаемой и неактуальной, пассивно-результативной, которая как бы содержит информацию о предыдущей ситуации с активным деятелем. Г.А. Золотова пишет: «Условие образования пассивного залога – это наличие значения акциональности в исходной глагольной форме: субъект должен быть настолько активен, чтобы результат этой активности сохранялся в объекте и после прекращения взаимодействия. Возможность пассивной конструкции при этом оказывается “тестом” на акциональность, на активность субъекта» [2, с. 332].

В случае же отсутствия информации о такой взаимосвязи мы имеем стативное значение, т.е. «статив представляет завершающую стадию процесса, без отсылки к предшествующему положению дел» (Там же, с. 334). Статив – это «выродившийся» акциональный процесс, по своему значению он ближе к понятиям «состояние», «свойство», «качество», что делает его значение в какой-то степени концептуально самостоятельным. Попадая в позицию качественно-предикативных слов, для которых значение неакциональности (статальности, качественности) является категориальным, глагол теряет признак вида, представленный видовым противопоставлением (видовой парой), и признак залога, представленный залоговым противопоставлением, т.е. те признаки, которые наиболее полно реализуют значение акциональной процессуальности. При этом существенным оказывается то, что глагол не реализует видовую и залоговую характеристики в причастии, которое попадает в позицию качественно-предикативных слов. В результате глагол, используя причастие, предстает в форме статива, который в данном случае как бы демонстрирует статическое представление признака предмета (носителя предикативного признака), делая предмет фигурой и устраняя позицию деятеля, что обеспечивает фон для реализации стативного значения.

Существенным моментом, связанным с концептуализацией ситуации посредством статива и результативного (процессуального) пассива, выраженного причастием на *-н*, *-т*, является то, что их разграничение определяется не только разным морфологическим оформлением (наличием вида и залога в результативном пассиве и отсутствием их в стативе), но и связью с разными коммуникативными регистрами. По мнению Г.А. Золотовой, «в репродуктивно-описательном контексте используется статив: *Вхожу и вижу: окна раскрыты (окна настежь), вещи разбросаны (вещи на полу), книги свалены в угол (книги в углу)*. В информативно-повествовательном контексте – результатив, или процессуальный пассив: *Режиссер попросил изменить декорацию. Быстро были открыты окна, разбросаны вещи, сдвинута мебель, книги свалены в угол*» (Там же). Это связано с тем, что стативное «состояние лишено внутренней динамики и локализовано во времени через момент восприятия: *Окно открыто – Я вижу открытое окно; Я подошел к дому. Окно ее было открыто*» (Там же).

Немаловажным моментом, определяющим коммуникативную и концептуальную востребованность статива, является и то, что, по мнению исследователей, стативные конструкции употребляются и в книжной речи, и в разговорной, тогда как пассиву употребление в разговорной речи не свойственно [1, с. 202; 10, с. 131].

Итак, *статив* в аспекте динамической теории частей речи русского языка – это особая адъективно-предикативная форма глагола, выражающая значение неакционального (статального) признака и представленная аналитической структурой, которая включает связку *быть* и краткое адъективированное причастие, обеспечивающие в своем единстве и целостности выражение грамматических значений времени, наклонения, лица и числа, присущих глаголу, и грамматических значений рода и числа, присущих кратким прилагательным. Гибридный характер статива обусловлен взаимодействием глагола (через причастную форму) и качественно-предикативных слов как самостоятельных частей речи, которые, однако, будучи противопоставленными в системе частей русского языка, обнаруживают опре-

деленную взаимосвязь и взаимодействие с целью выразить языковыми средствами коммуникативные потребности носителей языка в описании таких типовых ситуаций, в которых проявляются неакционные (непроцессуальные) признаки предмета.

Что касается полных страдательных причастий прошедшего времени совершенного вида типа *закрытый*, то они представляют собой взаимодействие глагола через причастие с относительными прилагательными, т.е. классом собственно прилагательного. В этом случае адъективация причастия предстает в более глубоком варианте, поскольку причастие теряет в синтаксической позиции атрибута не только глагольные признаки вида и залога (как у статива в позиции предиката), но и признак времени. Другими словами, адъективация сопровождается утратой всех глагольных категорий и характеризуется наличием у полной формы только грамматических категорий, присущих относительному прилагательному – категорий рода, числа и падежа, которые имеют согласовательный характер, ср.: *Но душный воздух и закрытые окна так мне надоели во время болезни моей, что весна являлась моему воображению со всею поэтической своей прелестью* (А.С. Пушкин) и *Закрыты ставни, окна мелом / Забелены. Хозяйки нет* (А.С. Пушкин).

Итак, глагол через причастие (*двери, закрытые хозяином дома, никто не пытался открывать*) имеет свое, если так можно выразиться, языковое представительство в позициях предиката пассивных конструкций (*дверь была кем-то закрыта*), предиката стативных конструкций (*в этом доме двери постоянно были закрыты*) и атрибута (*всегда закрытые двери вызывали у меня любопытство*). Все эти позиции отмечены разным набором грамматических признаков, присущих тем формам глагола, которые в них представлены. Причем некоторые из форм являются результатом взаимодействия глагола с другими частями речи – с качественно-предикативными и относительно-атрибутивными словами.

Литература

1. Буланин Л.Л. К соотношению пассива и статива в русском языке // Проблемы теории грамматического залога. Л. : Наука, 1978. С. 197 – 202.
2. Золотова Г.А. [и др.]. Коммуникативная грамматика русского языка. М. : МГУ, 1998.
3. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. М. : Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999.
4. Руделев В.Г., Руделева О.А. Существительное и наречие (на материале русского языка) // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2010. № 2. С. 17 – 23.
5. Храковский В.С. Пассивные конструкции // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб. : Наука, 1991. С.141 – 210.
6. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык: Словообразование. Морфология. М. : Просвещение, 1981.
7. Шарандин А.Л. Иерархические отношения в системе частей речи русского языка // Вестн. Тамб. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». 1998. Вып. 1. С. 20 – 27.
8. Шарандин А.Л. Вопрос о составе грамматических категорий качественных и относительных прилагательных // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: «Языкознание». 2005. Вып. 4. С. 24 – 28.
9. Шарандин А.Л. Русский глагол: Комплексное описание. Тамбов : ТГУ, 2009.
10. Шелякин М.А. Функциональная грамматика русского языка. М. : Рус. яз., 2001.

Stative verbs in the aspect of the dynamic theory of parts of speech in the Russian language

There is determined the cognitive essence of stative verbs and its purpose in the process of communication, considered the issue of the language status of a stative phenomenon in the aspect of the dynamic theory of parts of speech in the Russian language.

It clarifies a special adjective and predicative form of a verb, which is the result of correlation of a verb and a predicative word as separate parts of speech.

Key words: *parts of speech, dynamic theory, verb, adjective, predicative words, participle, stative.*